

ПОЛА БРЕКСТОН

ПОЛА БРЕКСТОН

Зимняя ведьма

like
book

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б87

Paula Brackston

THE WINTER WITCH

Copyright © 2013 by Paula Brackston.
Published by arrangement with St. Martin's Press,
LLC. All rights reserved.

Перевод с английского *Ильи Рапопорта*

Художественное оформление *Сергея Власова*

Брекстон, Пола.

Б87 Зимняя ведьма : [роман] / Пола Брекстон ; [пер. с англ. И. В. Рапопорта]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Хроники теней).

ISBN 978-5-699-97330-9

В маленьком уэльском городке девятнадцатого века нет никого, кто был бы похож на своенравную Моргану. Девушка нема, и ее молчание — это тайна, как и ее волшебные способности. Но еще она юна и неопытна, а потому может раскрыть себя, подвергнуть опасности. Мысли о магии надо забыть, но как это сделать?

Мать решает выдать девушку замуж. Кай, молодой вдовец и хозяин поместья Финнок-Лас, внушает Моргане страх. Она не в силах представить, как будет жить с этим холодным и грубым мужчиной. Он же совсем ее не поймет!

Но постепенно лед между ними тает, и зарождается любовь. Вот только счастье длится недолго. Страшная эпидемия обрушивается на деревню: гибнет скот, люди болеют. Кто виноват в этом? Моргану понимает, что за чудовищными бедами стоит другая ведьма и победить ее можно лишь одним способом — перестав скрывать свои магические силы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97330-9

© И. Рапопорт, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается Дженни —
за необычность*

Автор выражает благодарность...

Работать над романом «Зимняя ведьма» было огромным удовольствием, в немалой степени благодаря поддержке и помощи Питера Уолвертона и Энн Бенссон из Thomas Dunne Books, поэтому хочу сказать им обоим огромное спасибо. Также хотелось бы выразить свою благодарность команде дизайнеров — за столь чудесную обложку — и всему персоналу St. Martin's Press за их энтузиазм и внимание к деталям.

Мне хотелось бы поблагодарить Worshipful Company of Fagriers и Музей Брэкона, которые оказали посильную помощь в поиске информации для романа. Также хочу выразить искреннюю благодарность моей замечательной подруге Мелани Уильямс за то, что разобралась с моими весьма скудными знаниями валлийского и вложила в это дело душу.

Как и всегда, благодарю членов своей семьи за их неизменную поддержку и понимание. И за то, что еще не сошли с ума от моего болезненного увлечения писательской деятельностью и всем, связанным с ведьмами.

Глава 1

Интересно, считает ли себя красивой паучиха? Глядя на свое отражение в капельке росы, довольна ли она тем, как выглядит? Сплетенная ею паутина тоньше самого тонкого на свете шелка. Но люди восхищаются не паучихой, а лишь ее паутиной. Ее изяществом, ее хрупкой силой. А о бедной паучихе все думают — какая гадость! Кого-то она раздражает. Другие падают в обморок от одного вида этого создания. Но ведь она прекрасна, или, во всяком случае, мне она кажется таковой. Такая ловкая. Такая искусная. Идеально подходящая для судьбы, которую избрало ей мироздание. И сейчас такая паучиха сидит на моей ладони. Взгляните только, как она продумывает следующий шаг, выверяет пространство, и волоски на ее крохотных лапках приятно щекочут мне кожу, когда она двигается. И разве существо, настолько идеально подобранное под свою среду обитания, не заслуживает того, чтобы им восхищались люди? Как может считаться некрасивым насекомое с силуэтом настолько элегантным, точеным, изящным? Разве для того, чтобы тебя обожали, нужно обязательно быть сказочно прекрасным? Взять, к примеру, божью коровку... У нее ведь туловище жука и тонкие черные лапки, а меж тем девушки восхищаются красотой ее крылышек и веселыми бе-

лыми крапинками на них. Неужели мы всегда будем прятаться за внешней красотой, чтобы нравиться окружающим? Выходит, что так. Чтобы заслужить внимание мужчины, женщине полагается выглядеть надлежащим образом. Так уж заведено. И вот я перед вами, в белом платье, взятом напрокат, с цветами в волосах и на браслете, расфуфыренная, как попугай, такая, какой я на самом деле не являюсь, привлекаю внимание к тем сторонам своей личности, которых вовсе не существует. Я лгунья. Насколько я была бы счастлива сейчас, если бы вместо всего этого надела тонкую вуаль, свитую из паучьей паутины, в своих привычных темных одеждах, что делают меня частью мира теней и позволяют наблюдать со стороны за окружающими.

— Моргана! Моргана!

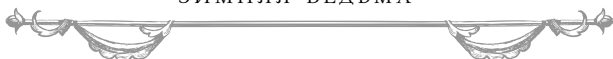
Мама в нетерпении. Нет, не то чтобы в нетерпении, просто слегка испугана. Думает, как бы я не сбежала, не скрылась в одном из своих потайных уголков, не исчезла, выждав, пока этот момент не кончится. Этот момент, о котором я не просила. И который сейчас наступил отнюдь не по моей воле.

— Моргана?

Неужели она правда хочет, чтобы я ушла? И оставила дом? Оставила ее? Ведь место дочери — подле матери. Почему должно быть иначе? Почему же она не дает мне сделать свой собственный выбор?

— Моргана, что ты делаешь?

Она нашла меня. Мама заглядывает внутрь, спустившись в узкий лаз, ведущий в нору под корнями дуба. Наклоняет голову, и кровь приливает к ее лицу, отчего ее щеки розовеют. Даже в том скудном свете, который попадает сюда, я вижу — мать очень взволнована. На фоне бледности ее кожи пылающие щеки резко бросаются в глаза.

— Моргана, твое платье... Ты его запачкаешь. А ну-ка, выходи, ребенок, — произносит она. И я больше не могу оттягивать момент. Я по-прежнему держу в руке паучиху. Я могу взять ее с собой, сунув в карман нижней юбки. По крайней мере, тогда у меня будет подруга, с которой я могла бы разделить все тяготы сегодняшнего дня. Но нет, это существо должно остаться здесь. Так зачем же насильно тащить наверх нас обеих?

Ну же, маленький паучок, беги обратно в свою паутинку.

Я возвращаю паучиху туда, где ее место. Жаль, что я не могу остаться в этом темном, тесном убежище, в этом чреве земном вместе с ней. Но мои желания не в счет. Моя судьба решена. И я выбираюсь из норы.

Солнечный свет слепит меня. Яркие лучи сияют на дурацком платье и чересчур пышных цветах в волосах. Сейчас я отвратительно светла. Боже, в какую чушь я ввязалась!

— Уф, детка, да на тебе столько земли, что можно устроить грядки. И о чем ты только думала, когда полезла туда в подвенечном платье? — причитает мама.

Она нарочито хмурит брови, но актриса из нее никудышная. В ее глазах я читаю испуг. От меня скрыть этот страх не выходит. Наконец, мать перестает пытаться стряхнуть с подола платья всю грязь и кладет руки мне на плечи, крепко обняв меня и завладев моим взглядом.

— Ты уже не маленькая девочка, — говорит она, та, кто буквально секунду назад называл меня *ребенком*. — Вот и не помешало бы тебе вести себя, как женщине. Твой муж имеет право рассчитывать, что у тебя есть... хоть какие-то манеры.

Теперь мой черед хмуриться. Муж! Могла бы с таким же успехом сказать Хозяин! Мастер! Господь! Я отворачиваюсь.

Я не хочу на нее смотреть, ибо сердце мое полно гнева. Я чувствую, как он кипит внутри меня, и что-то во мне как будто щелкает, меняется. Звуки приглушаются. Голоса превращаются в бессмысленную болтовню. Мой мозг давит на череп с огромной силой — что-то очень мощное жаждет выбраться наружу. Веки наливаются свинцом. Движения становятся все более медленными и тяжелыми. Меня сильнее тянет к земле.

— Моргана! — В голосе мамы я слышу нетерпение. Оно эхом отдается во мне. — *Не делай так*, Моргана! Только не сейчас.

Я открываю глаза и чувствую ее решимость. В конце концов, все мы, люди, в этом отношении похожи.

Мама разворачивает меня к себе, а затем выводит из сада к часовне. С каждым торопливым шагом каменное здание становится ближе. Я войду сюда свободной, а выйду уже подневольной. Как же так?

— Стой, — мама останавливается у ворот на кладбище и начинает возиться с моими волосами. — Дай на тебя посмотреть.

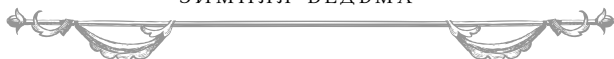
Мама смотрит мне в глаза, и я понимаю, что она видит меня насквозь. И я знаю, что, кроме нее, у меня нет никого, кто бы смотрел на меня так, как смотрит она. И мысль эта приносит с собой такую тяжесть одиночества, что, чтобы не разрыдаться, мне приходится призвать на помощь все свое самообладание. Мама касается моей щеки.

— Все будет хорошо, *милая*, — говорит она.

Я качаю головой.

— Я желаю тебе лишь добра, — повторяет мама. — И ничего больше.

Я чувствую ее смущение. Мимо, покачиваясь, пролетает сойка — она словно смеется над нашей болью.

— Он хороший человек, Моргана. Он даст тебе дом, жизнь. Будущее.

Мама понимает — мне безразлично, что он даст мне; всем этим вещам я бы предпочла жизнь с ней. Но ответить на это она не может.

Я слышу стук копыт приближающегося коня — мой жених скоро будет здесь. Мы с мамой оборачиваемся и видим выкатывающуюся на холм упряжку. В нее запряжен белый жеребец. Он вышагивает бодро, приближая тот жуткий момент, которого я боялась все последние несколько месяцев. На улице тепло, и жеребец весь в мыле. Впрочем, лошадка, по крайней мере, рада покрасоваться в своей восхитительной упряжи. В повозке, хвала Всевышнему, не украшенной дурацкими лентами или цветами, я вижу Кая Дженкинса. Он сжимает поводья, останавливая жеребца. Кай высок ростом и очень силен, хотя и изможден. У него угловатые, почти суровые черты лица, но при этом полные губы и прекрасные светло-голубые глаза — удивительные, цвета незабудок на солнце. Кай связывает вожжи и встает с узкого деревянного сиденья. Шерстяной костюм болтается на его костлявом теле. Мама не стала врать ему, что я умею готовить. Интересно, не забудет ли он об этом? Я тут же убеждаюсь, как глупо пытаться предположить что-либо о человеке только на основании его внешности. Слезая с повозки, Кай двигается быстро и ловко, как тот, для кого жить своим трудом — нормальное состояние. Однако, заметив его костлявые лопатки, я понимаю, что не все в его жизни гладко. Наверное, с тех пор как умерла его жена, Кай вряд ли хоть раз нормально ел. Ее не стало три года назад. Кай очень любил ее, он так сам об этом и сказал. Собственно, это было первое, что он вообще сказал нам.

— Понимаете... Она была для меня всем. Ни к чему притворяться, что это не так, — сказал он. Мы сидели в гостиной. Кай мелкими глотками пил чай из лучшей маминей чашки, и тот медленно остывал, пока комната наполнялась ненужными словами, вылетающими из уст моего жениха. Тогда он смотрел на меня, словно на жеребенка, которого нужно выдрессировать, как будто поскорее хотел найти способ меня приручить.

— Я хочу быть честным с вами обеими, — сказал он. — Чтобы получить лицензию, погонщик должен быть женат. А там, где я живу, нет никого... Подходящего.

«Почему это?» — подумала я тогда. И думаю сейчас. Почему Кай не выбрал кого-то, кто жил бы ближе к его дому? Почему поехал так далеко, чтобы найти кого-то *подходящего*? И как именно я ему *подхожу*?

— Ну, — сказала мама, и чашка в ее руке дрогнула, — так много сказано о любви, и так мало люди в ней понимают, мистер Дженкинс. Но даже простое уважение и доброта многого стоят.

Кай кивнул и улыбнулся, радуясь: договоренность достигнута. Так что наш брак оказался браком по расчету.

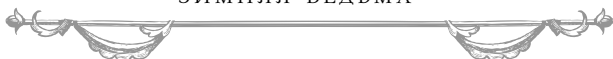
Будущий муж снимает шляпу и слишком сильно сжимает ее в своих длинных пальцах, беспокойно крутя в разные стороны. Его рассыпанные в беспорядке волосы песочного цвета кудрями опадают на воротник — ему бы подстричься. А взгляд мечется с одной из женщин на другую.

— Прекрасное утро, миссис Причард, — говорит Кай. Мама соглашается.

Он переводит глаза на меня:

— Вы... Очень хорошо выглядите, Моргана.

«Ничего лучше не мог придумать?»

— Нам, наверное, уже пора? — мама старается поскорее со всем этим покончить, прежде чем я успеваю как следует задуматься. Она до сих пор крепко сжимает мою руку.

Внутри часовни, у скромных букетов цветов стоит пожилая миссис Робертс. Увидев ее, мама начинает охать и ахать, рассыпаясь в благодарностях. Преподобный Томас приветствует нас и озаряет ослепительной улыбкой. Мама отводит меня на место, где мне положено стоять, а Кай Дженкинс встает рядом. Я не буду смотреть на него. Мне нечего ему сказать.

Преподобный начинает, а я мысленно переношусь куда-то совсем далеко. В дикое место, находящееся где-то за облаками, место свободное, свободное от глупости мужчин и их планов. В долине над Кундю есть настолько крутой холм, что даже овцы там не пасутся. Поверхность его покрыта не зеленой травой, а скользкими сланцами, на которых едва можно удержаться. Для того чтобы подняться на вершину этого холма, нужно идти, согнувшись, и позволить своим ногам с каждым шагом соскальзывать немного назад. Попытаться бороться с этой вершиной нет смысла, она все равно победит. Нет, нужно просто быть с ней в гармонии. Если набраться терпения и не обижаться на ее злые шутки, гора сама донесет тебя на вершину. А на вершине ты обретешь второе дыхание. Какой вид! Какие расстояния! Какой воздух, которым еще не дышал никто, не тронутый печной золой и дымом вчерашнего костра... Воздух, который наполняет и душу, и тело.

— Берете ли вы, Моргана Рианнон Притчард, в свои мужья этого человека?

При звуке своего имени я с головокружительной скоростью возвращаюсь в реальность.